

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2022.65.38.005

От деонтологизма к интернализму в теории эпистемического обоснования: критика аргумента К. Гине

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается эпистемологическое значение и производится анализ аргумента К. Гине, представляющего один из серии аргументов от деонтологизма к интернализму. Аргумент Гине рассматривается как средство демонстрации общего положения о том, что принципы деонтологической концептуализации эпистемического обоснования с необходимостью имплицируют приверженность нормативным положениям интернализма, в системе которых выделяется требование распознаваемости со стороны субъекта всех условий и фактов, конституирующих наличие адекватных оснований для культивирования уверенности, разрешаемой в эпистемически оправданное убеждение. Ключевым звеном в системе посылок аргумента Гине является формальный принцип *Debes, ergo potes*, строгая интерпретация которого предполагает доксистический волюнтаризм, но это допущение ставится под вопрос некоторыми эпистемологами. Установка на утверждение интернализма доступа в его сильной версии, представляемая как следствие деонтологического определения условий обоснования, оправдана только при условии строгой интерпретации принципа *Debes, ergo potes* и отражает лишь контингентное содержание некоторых интерналистских теорий, радикализировавших идею привилегированного доступа как условия для установления высокой эпистемической гарантированности убеждений. Демонстрация того, что из принципов деонтологического подхода следует, что условия и факторы обоснования должны быть доступны прямому распознаванию со стороны субъекта, дискредитирует значение иных способов продуктивной познавательной рефлексии над основаниями для убеждений. Даже с точки зрения собственных принципов деонтологии знание об эвиденциальных факторах, полученное методами, не предполагающими привилегированный доступ, не является препятствием для выполнения эпистемических обязательств. Нельзя также признать удачной попытку Гине избежать редуccionистских следствий сильной интерпретации принципов аксессибилизма посредством расширительного толкования основных интерналистских ограничений, допускающего установление пропозициональной обоснованности на основе учета следствий того, что доступно непосредственному знанию.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. От деонтологизма к интернализму в теории эпистемического обоснования: критика аргумента К. Гине // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 4А. С. 21-43. DOI: 10.34670/AR.2022.65.38.005

Ключевые слова

Знание, обоснование, деонтологическая теория эпистемического обоснования, интернализм, аксессибилизм, когнитивный доступ, эпистемические нормы, доксистические установки, интеллектуальные обязательства, эпистемический долг.

Введение

В ряде классических теорий познания, а также в некоторых программах современной аналитической эпистемологии обозначилась общая тенденция интегрировать деонтологический подход, применявшийся, как правило, в области этики и теории действия, в основание разработки эпистемологических понятий и принципов, образующих концептуальный каркас теории знания, в частности теории обоснования. Тенденция эта отражает проявление характерных для классической эпистемологии диспозиций к пониманию знания как продукта сознательно-волевой деятельности субъекта познания, а именно – как ответственного достижения рационального субъекта, способного контролировать свою доксистическую сферу, руководствуясь нормами и правилами, задающими эпистемически целесообразный регламент для формирования и отбора пропозициональных установок, образующих содержательную основу знания. Для осмысления условий возможности знания как достижения рационального субъекта предполагалось сближение понятий рациональности и ответственности, что, собственно, и выразилось оптимальным образом в деонтологическом подходе.

Общая позиция ряда философов, развивавших теорию обоснования на основе принципов деонтологического подхода, состоит в том, что различие между эпистемически обоснованным убеждением и убеждением, которое не имеет этого положительного статуса, «можно объяснить в деонтических терминах, т. е. с точки зрения того, что является эпистемически обязательным, позволительным или запрещенным» [Steup, 1988, 65]. Деонтологический подход на концептуальном уровне предполагает экспликацию нормативного содержания понятия обоснования посредством использования базовых деонтических терминов, применяемых, как правило, для оценки сознательного поведения и позиции субъекта познания с точки зрения того, что *требует* эпистемический долг и что является *дозволенным* или *запрещенным*, исходя из релевантных норм, принципов и правил, определяющих дисциплину познавательной деятельности. На уровне теоретических оснований деонтологический подход выражается в квалификации обоснованности как такого эпистемически положительного состояния, критерием которого является отсутствие нарушения интеллектуальных обязательств, вытекающих из эпистемических норм, или безупречность позиции субъекта в отношении санкционированной нормами политики формирования собственных доксистических установок (убеждений, которые можно конвертировать в знание). Таким образом, в рамках деонтологического подхода эпистемическое обоснование (т. е., перефразируя Айера, удостоверение права субъекта полагать так, а не иначе), исходя из цели максимизации истинности и минимизации ложности в наибольшем массиве убеждений, «есть вопрос нормативной ситуации субъекта, вопрос того, как приверженность субъекта убеждению, что *p*, представляется относительно релевантных интеллектуальных норм, стандартов, обязательств, обязанностей т. п. Если поддержание *S* убеждения в том, что *p*, *не осуществляется в нарушение* соответствующих интеллектуальных обязательств, то ему *допустимо* верить, что *p*, его нельзя справедливо *винить* в этом, для него *вполне правомерно* придерживаться этого убеждения, он совершенно *безупречен*, когда полагает так» [Alston, 2001, 81].

Ряд эпистемологов рассматривают деонтологический подход как один из индукторов приверженности *парадигме интернализма в теории обоснования*, полагая, что именно принципы деонтологизма, определяющие значимость сознательного отношения к велению эпистемического долга, как и общие условия вменения обязательств и установления ответственности (такие, например, как *Debes, ergo potes* = «Должен, значит можешь»), являются основаниями для введения базового ограничения в отношении детерминантов пропозициональной обоснованности (факторов обоснования) и фактов относительно базиремости убеждений на релевантных основаниях, а именно – условия *распознаваемости этих факторов и фактов из «внутренней» (собственной) сознательной перспективы субъекта познания*. Именно это условие представляется, как правило, в качестве общего принципа, конститутивно значимого для утверждения парадигмы интернализма в теории обоснования. Как поясняет К. Бак, «интернализм... рассматривает обоснованность как чисто внутреннее дело: если р обоснованно для S, то S должен осознавать (или, по крайней мере, быть способным непосредственно осознать), что делает его¹ обоснованным и почему» [Vach, 1985, 247].

В аналитической эпистемологии, как и в классических теориях знания, представлены различные линии аргументации, посредством которой демонстрируется положение, что *интернализм* в теории обоснования утверждается как следствие применения принципов *деонтологического подхода*, релевантного контексту исследования зависимости эпистемического статуса убеждений от того, насколько субъект последовательно выполняет круг обязательств, вытекающих из норм, регулирующих интеллектуальное поведение в доксистической сфере. Как заметил М. Стьюп, «если рассматривать понятие эпистемического обоснования как деонтологическое понятие и, таким образом, трактовать эпистемическое обоснование как вопрос индивидуальной ответственности, то становится очевидным, что интерналистское ограничение, согласно которому J-факторы² должны быть рефлексивно распознаваемы субъектом, является совершенно неизбежным следствием» [Steup, 2006, 63]. Так, А. Плантинга на основе выделения и анализа деонтологических элементов в составе классических теорий – теории знания Декарта и теории убеждения Локка – раскрывает несколько «интерналистских мотивов», заложенных в основаниях деонтических оценок позиции субъекта познания, и делает однозначный вывод: «Если мы обратимся к истоку интерналистской традиции, то мы увидим, что интернализм возникает из деонтологии...» [Plantinga, 1993, 24-25].

Один из классических аргументов, который можно отнести к общей категории аргументов «от эпистемического деонтологизма к интернализму» в теории обоснования, был представлен Карлом Гине – американским философом, который внес заметный вклад в решение проблем теории действия, метафизики, философии сознания, эпистемологии восприятия и теории априорного знания. Именно К. Гине (наряду с Р. Чизомом) выделялся У. Олстоном – наиболее последовательным критиком деонтологической теории обоснования – в качестве образцового представителя современного направления в эпистемологии, в рамках которого концептуальные ресурсы деонтологического подхода были использованы для экспликации и развития принципов теории эпистемического обоснования. В литературе по эпистемологии «аргументом Гине» называется рассуждение, представленное в классической работе Гине «Знание, восприятие и память» [Ginet, 1975], рассуждение, посредством которого, исходя из принципов

¹ Это положение.

² То, что конституирует обоснованность.

деонтологически основательной концептуализации обоснования, осуществляется демонстрация интерналистского тезиса о том, что факторы эпистемического обоснования и факты относительно наличия условий, при которых убеждения являются обоснованными, должны быть непосредственно распознаваемы субъектом из собственной («внутренней») перспективы, т. е. из того, что субъект знает, во что верит, что составляет содержание его опыта и что удовлетворяет условию прямого сознательного доступа.

В данной работе представлены реконструкция и анализ аргумента Гине от деонтологизма к интернализму, исследуются основные линии его критики, которые обозначились в современном эпистемологическом дискурсе (линия У. Олстона и А. Голмана и линия М. Бергмана), и демонстрируется, что в посылках аргумента Гине выражен ряд эпистемологических допущений, комбинация которых с принципами деонтологического подхода приводит к амбивалентным последствиям для теории эпистемического обоснования, а установка на утверждение интерналиста доступа в его сильной версии, заявленная в заключении, не является необходимым и исключительным следствием деонтологического определения условий обоснования и отражает лишь контингентное содержание интерналистских теорий.

Аргумент К. Гине «от деонтологизма к интернализму»

В теории Гине необходимые и в совокупности достаточные условия знания определяются следующим образом:

S знает, что p, если и только если

(1) p,

(2) S уверен, что p,

(3) уверенность S в том, что p, является незаинтересованно обоснованной,

(4) обоснование это является внешне конклюдивным³ [Ibidem, 13].

Обоснованность как эпистемический статус состояния уверенности (а именно это состояние лежит в основе культивирования убеждений) Гине определяет в деонтологически-нормативных понятиях, выражающих исполнение того, что составляет долг человека как субъекта познания: «Уверенность в том, что p, оправдана тогда и только тогда, когда это не тот случай, когда человек не должен быть уверенным в том, что p: человека нельзя справедливо упрекнуть в том, что он уверен в том, что p» [Ibidem, 27].

Далее Гине, отпавляясь от принципов деонтологического подхода, из которых, как будет видно, особое значение он отводит принципу *Debes, ergo potes* («Должен, значит можешь»), обосновывает положение о необходимости строгого интерналистского ограничения в отношении детерминантов и фактов обоснованности: «Каждый из каждого набора фактов о положении S, который минимально достаточен для того, чтобы сделать уверенность S в том, что p, в данный момент времени оправданной, должен быть непосредственно распознаваем для S в это самое время» [Ibidem, 32].

Аргумент Гине представлен в форме следующего рассуждения: «Допуская, что S владеет понятием того, что составляет оправдывающее основание для уверенности, в том, что p, S *должен* всегда обладать уверенностью в том, что p, или не иметь ее в зависимости от того, имеется ли у него такое обоснование или нет. По крайней мере, он всегда должен

³ Исчерпывающим в том смысле, что для такого обоснования исключены подрывающие его факторы.

воздерживаться от [культивирования] уверенности, за исключением случаев, когда у него имеется обоснование. <...> Но если это то, что S *должен* делать при любых возможных обстоятельствах, то это то, что S *может* сделать при любых возможных обстоятельствах. То есть, предполагая, что у него есть релевантные понятия, S всегда *может* распознать, есть ли у него основания для того, чтобы быть уверенным в том, что p. Но это было бы не так⁴, если бы... какой-либо факт, вносящий вклад в набор, который минимально конституирует наличие S такого обоснования, не был бы либо непосредственно распознаваем для S, либо вытекал из того, что является для S непосредственно распознаваемым...» [Ibidem, 35].

Так Гине приходит к заключению, составляющему для теории обоснования парадигматически-интерналистское основоположение: «Доксастическая установка S в любой момент времени по отношению к какой-либо пропозиции может быть оправдана или не оправдана только на основании того, что в данный момент требует от S только усилия внимания⁵ или рассмотрения⁶, чтобы повлиять на его установку» [Ibidem, 32-33].

Аргумент Гине представляет сложное умозаключение «от деонтологизма к интернализму», структуру которого можно реконструировать, следуя модели, предложенной Олстоном, который в свое время подверг этот аргумент критике, когда указывал на ряд общих проблем деонтологической концепции обоснования (неоправданное допущение доксастического волюнтаризма и проблема с достижением истинностной проводимости).

1. S не должен питать уверенность, что p, т. е. должен воздерживаться от полагания, что p, если нет объективных и достаточных оснований, составляющих для p пропозициональное обоснование.

Пояснение: Предполагается, что субъект, исходя из наличия достаточных оснований, решает, насколько пропозиция p в эпистемическом смысле достойна того, чтобы стать предметом убеждения как формы признания истины. В данной посылке речь идет об основаниях, при наличии которых убеждение является обоснованным, и обоснованность следует трактовать не в эвиденциально-доксастическом, но в объективном (*пропозициональном*) смысле. Для того чтобы определенное положение было обоснованным в пропозициональном смысле, не требуется, чтобы оно было предметом актуального убеждения; достаточно, чтобы в классе эвиденциально значимых факторов, актуализированных в познавательной ситуации, имелись объективно достаточные основания для принятия определенной пропозиции в качестве истинной, что, однако, не имплицитно, что субъект принимает данную пропозицию в качестве истинной, исходя из этих оснований. В этом смысле у субъекта могут быть основания полагать так, а не иначе, однако это не те основания, на которых базируется его актуальное убеждение. Для прояснения различия между доксастической обоснованностью (ситуацией, когда субъект обоснованно убежден, что p) и пропозициональной обоснованностью (ситуацией, когда у субъекта имеются эпистемически адекватные основания полагать, что p), П. Сильва и Л. Оливейра приводят такой пример: «Представим, например, человека, который знает, что Том сказал, что будет дома, и знает, что Том надежен. При прочих равных условиях этот человек мог продолжать обоснованно полагать (т. е. иметь доксастически обоснованное убеждение), что

⁴ Правило, допускающее культивирование уверенности только при наличии оснований, не представляло бы того, что субъект объективно при любых обстоятельствах должен делать.

⁵ Обращенного на собственные состояния.

⁶ Того, в чем субъект обоснованно уверен, что помнит или что уже знает.

Том, вероятно, дома. Но у этого человека может просто не быть этого убеждения вообще. В таком случае у человека все равно будет пропозициональное обоснование для полагания, что Том, вероятно, дома» [Silva, Oliveira, 2022, 1].

Пропозициональное обоснование: S имеет пропозициональное обоснование для полагания, что p, тогда и только тогда, когда S имеет достаточные эпистемические основания полагать, что p, что не имплицирует наличия убеждения, которое базируется на этих основаниях.

Доксастическое обоснование: S имеет доксастически обоснованное убеждение в p тогда и только тогда, когда (i) S имеет пропозициональное обоснование для того, чтобы полагать, что p, (ii) S убежден, что p, и (iii) убеждение S в том, что p, надлежащим образом связано с достаточными эпистемическими основаниями полагать, что p.

2. То, что S *должен* делать, составляет предмет того, что S *может* делать (классический принцип «Должен, значит можешь»).

Пояснение: Речь идет об объективном велении эпистемического долга, которое проецируется на сферу сознания субъектом своих обязательств. Подразумевается, что субъект может не только сознавать объем обязательств, вытекающих из нормы, но также определять *тип и характер действий*, посредством которых достигается выполнение объективного долга.

3. Следовательно, S *может* воздерживаться от полагания, когда для этого отсутствуют основания, конституирующие пропозициональную обоснованность.

Пояснение: Субъект *может* выполнять то, что должен, в смысле фактической способности совершения произвольных действий, а не гипотетической возможности, определяемой общими условиями его дееспособности.

4. S действительно обладает этой (указанной в п. 3) способностью, если в отношении всякого полагания (убеждения) S *может* различить, имеются ли основания, конституирующие пропозициональную обоснованность, или нет.

5. S всегда *может* произвести такое различие, только если основания (в широком смысле – факторы пропозициональной обоснованности) являются непосредственно распознаваемыми (*directly recognizable*), т. е. доступными для *прямого сознательного схватывания* субъектом.

6. Следовательно, основания, при наличии которых убеждение является пропозиционально обоснованным, являются всегда непосредственно распознаваемыми (удовлетворяющими условиями сознательной доступности) [Alston, 2001, 96].

Рассуждение К. Гине, посредством которого демонстрируется, что деонтологизм имплицирует установки интернализма в отношении к обоснованию, строится на допущениях определенной эпистемологической теории, различающей доксастическую и пропозициональную обоснованность, и включает в состав посылок формальный принцип *Debes, ergo potes* («Должен, значит можешь»), который является универсальным для деонтологических подходов и имеет ключевое значение для аргумента Гине. Этот принцип, в свою очередь, допускает альтернативные интерпретации. На это обстоятельство указывает М. Бергман, раскрывая конкретный смысл посылок данного аргумента [Bergmann, 2006, 83-84].

Во-первых, семантико-прагматический анализ высказывания «Должен, значит можешь» показывает, что выражение «можешь», означающее способность субъекта к совершению определенных действий или достижению определенных состояний, можно употреблять в двух различных значениях:

S1 [Быть способным фактически-безусловно]: S *может*^{F1} делать A тогда и только тогда, когда (a) S обладает способностью выполнять действия, которые привели бы к тому

(состоянию), что S сделал A , и (b) S может сделать A при одном лишь желании.

Например, человек, знающий комбинацию замка сейфа, *может*^{F1} его открыть, тогда как посторонний, не зная комбинации, при всем желании не *может*^{F1} это сделать, хотя гипотетически он способен^{H2} сделать это, но требуются условия, чтобы эта способность актуализировалась.

C2 [Быть способным гипотетически, т. е. «в принципе»]: S может^{H2} может сделать A тогда и только тогда, когда (a) S обладает способностью выполнять действия, которые привели бы к тому (состоянию), что S сделал A , даже если ($\sim b$) не может сделать A при одном лишь желании.

Например, нет смысла вкладываться в обучение человека, если в принципе (из-за недостатка базовых компетенций) он не сможет^{H2} справиться с заданиями такого уровня сложности, хотя о другом человеке можно было бы истинно утверждать, что фактически он не может^{H2} (ввиду отсутствия дополнительных компетенций), но в принципе^{H2} способен решать задачи такого рода [Ibidem, 84].

В посылке 2 аргумента Гине, выражающей принцип «Должен, значит можешь», подразумевается фактически-безусловная (C1), а не гипотетическая (C2) способность субъекта к совершению действий, необходимых для исполнения должного. Дело в том, что при альтернативном понимании, согласно которому выражение « S может» употребляется во втором (C2) из указанных значений, посылка 4 рассматриваемого аргумента, в которой утверждается, что субъект, демонстрирующий эпистемически ответственное поведение, *может* всегда распознать, имеются ли основания для его полаганий, была бы совершенно неправдоподобной, т. е. утратила бы конкретный операциональный смысл.

Во-вторых, данной интерпретацией способности как деятельной потенции субъекта, актуализируемой по произволению субъекта, соответствует конкретное истолкование принципа *долженствования*, учитывающее условия вменения субъекту ответственности. «Должен» следует понимать таким образом, чтобы в условия формального определения комплекса обязательств входила референция к способности субъекта *понимать* комплекс действий, необходимых для выполнения долга.

O^{c1-a}: S должен^{c1-at} сделать A , если и только если это обязательство сделать A таково, что S всегда может распознать, *какие именно из его действий* будут составлять выполнение этого обязательства.

Релевантность такого истолкования принципа *долженствования* демонстрируется посредством аргумента, который показывает, что с определением объективного долга коррелирует установление ответственности, которое должно имплицировать C1, а не C2.

Проекция сферы объективных обязательств на область обязанностей в субъективном смысле связывает исполнение долга с достижением состояния безупречности. Но можно выделить класс случаев, когда неисполнение обязательств, выражающих веление объективного долга, не влечет за собой оправданного утверждения вины субъекта, указывающего на отсутствие безупречности. В одном из таких случаев субъект (1) *может сознавать в целом свой объективный эпистемический долг* (например, признавать то, что p , если и только если это убеждение адекватно подкреплено всем объемом доступных и релевантных свидетельств), но (2) не иметь достаточно развитого представления о том, *какие именно действия или условия, специфицирующие предмет долженствования относительно параметров данной ситуации, должны быть совершены или удовлетворены, чтобы обязательства были выполнены*; при этом (3) в силу объективных (когнитивных и ситуативных) ограничений позиция такого субъекта

может квалифицироваться как в негативном смысле *безупречная* (учитывая, насколько сложно, например, в определенной области исследований получить полный объем свидетельств и установить, в какой мере выполняются условия релевантности и адекватности), хотя такая *безупречность* не имплицитно подразумевает эпистемологически значимых следствий. На классе таких случаев отчетливо проявляется различие между ситуациями, описываемыми как C1 и C2: субъект, который объективно должен исполнить обязательства, вменяемые ему как исследователю, притязающему на знание, сознавая свой эпистемический долг, не *может*^{F1} его выполнить в смысле C1, поскольку совершенно невинно не понимает, *какие именно из его действий будут составлять выполнение этого долга, и, следовательно, не может*^{F1} по произволению сделать то, что объективно должен; но следует признать, что он *может*^{H2}, т. е. способен выполнять свой долг в смысле C2.

Однако принцип «Должен, значит можешь», заявленный в послышке 2 аргумента Гине, в части определения должного отнюдь не подразумевает, что субъекту вменяется такое именно *обязательство*, содержание которого не поддается операциональной спецификации, поскольку последнее не имплицитно подразумевает, что *субъект может*^{F1} выполнить то, что должен, в смысле C1. А именно в этом смысле «может» связывается с «должен» в послышке 2 аргумента Гине. В противном случае, как замечает Бергман, послышка 4 была бы еще более невразумительной.

Ряд эпистемологов (М. Бергман, У. Олстон, У. Плантинга и др.) выступили с систематической критикой закрепившегося в эпистемологии представления, что разработка теории эпистемического обоснования в рамках деонтологического подхода с необходимостью приводит к утверждению принципов интернализма. Негативная интенция этой критики состоит в том, чтобы доказать, что трактовка обоснования как исполнения эпистемического долга, понимаемого в смысле субъективных или даже объективных обязанностей, предустановленных в плане условий достижения знания, не имплицитно подразумевает с необходимостью принятия позиций интернализма.

Критика аргумента Гине: линия Олстона – Голдмана

В оригинальной форме аргумент Гине основывается на послышках, одна из которых выражает объективно-должное отношение субъекта к пропозициям, которые могли бы стать предметом его убеждений («По крайней мере, он должен всегда воздерживаться от уверенности, если у него нет оснований» [Ginet, 1975, 35]), а другая представляет развитие принципа «Должен, значит можешь» («Но если это то, что S *должен* делать при любых возможных обстоятельствах, то это то, что S *может* сделать при любых возможных обстоятельствах» [Ibidem]). Исходя из этих послышек Гине делает промежуточный вывод о том, что «S может всегда распознать, имеются ли основания, чтобы быть уверенным, что p, или нет». Положение это не имело бы операционального смысла, если бы *различие* между ситуацией, когда такие основания – конституенты пропозициональной обоснованности имеются, и противоположной ситуацией, когда они отсутствуют, не было бы всегда доступно *прямому распознаванию* со стороны субъекта познания.

Под «непосредственно распознаваемым» Гине подразумевает следующее: «Если имеет место определенный факт, то он непосредственно распознаваем для S в данное время тогда и только тогда, когда при условии, что S в это время имеет понятие такого рода факта, S нужно в это время только трезво задуматься о том, имеет ли место этот факт, чтобы узнать, что он имеет место. Факт может быть частью того, что оправдывает уверенность S в том, что p, только если

это факт, который может непосредственно повлиять на доксистическое отношение S к этому утверждению» [Ibidem, 32-33].

В аргументе Гине прослеживается интенция на то, чтобы из условий применения принципов деонтологического подхода в отношении к условиям и факторам обоснования вывести позицию, которую Олстон классифицирует как *интернализм доступа*, поскольку в основе этой позиции – принцип непосредственной познавательной доступности оснований, а в широком смысле – эвиденциальных факторов, выполняющих функцию обоснования (объективных индикаторов вероятной истинности).

Критические замечания Олстона в отношении аргумента Гине сводятся к тому, что аргумент этот заходит в тупик в той его части, которая представлена выдвиганием посылки 5, артикулирующей ключевой тезис интерналиста доступа. В посылке 5 выражение получает принцип, согласно которому субъект в отношении всякого полагания (предполагаемого убеждения) всегда *может* установить, имеются ли для этого полагания основания, т. е. обоснованно ли оно в пропозициональном смысле, или нет, *только если* основания (в широком смысле – факторы обоснования) являются *непосредственно распознаваемыми*, т. е. доступными для *прямого сознательного схватывания* субъектом. Олстон указывает на то, что требование *непосредственной распознаваемости* такого аспекта ситуации, как наличие или отсутствие для данного полагания оснований и факторов, конституирующих обоснованность, не является безусловно необходимым и универсально значимым условием достижения знания о том, насколько разумно с эпистемической точки зрения было бы придерживаться тех или иных убеждений. Аргумент Гине оставляет в силе возможность того, что субъект мог бы в различных случаях узнать *каким-то другим образом*, есть ли какое-либо обоснование для того или иного полагания или нет. Действительно, мы знаем многие вещи только потому, что у нас есть адекватные основания для определенных убеждений, и к классу этих оснований могут принадлежать такие, которые мы черпаем из того, что мы уже знаем (о других вещах), и которые не всегда дедуктивно связаны с тем, что они эвиденциально подкрепляют. Таким образом, «прямое узнавание – это только один из способов приобретения знания. Почему мы должны предполагать, что только таким путем можно узнать об обосновании? Для утверждения этого следует привести аргумент. В отсутствие любого такого аргумента мы вольны отрицать, что обоснование всегда может быть обнаружено только путем рефлексивного схватывания» [Alston, 2001, 96]. Аналогичные соображения подходят для решения вопроса относительно оправданности тех или иных действий в практической сфере: в значительном массиве ситуаций бывает, как правило, так, что моральные и иные основания для выбора того или иного действия не являются непосредственно очевидными и доступными для прямого уразумения, но чаще всего для принятия решения исходя из того, насколько оправдан тот или иной поступок, требуются дополнительные изыскания и рассуждения, которые выходят за рамки прямого познавательного отношения.

Аргумент Гине, следуя курсу строгой интерпретации принципа *Debes, ergo potes*, радикализирует основополагающее для интерналиста требование познавательной доступности для субъекта класса значимых факторов обоснования и фактов, вносящих вклад в конституирование состояния обоснованности. Следуя А. Голдману, позицию, которую Гине представляет в посылках своего аргумента и закрепляет в заключении, можно классифицировать как сильный интернализм доступа (радикальный аксессибилизм). Но является ли такая позиция оправданной с точки зрения собственных принципов эпистемической деонтологии?

Выведение интерналистских ограничений в отношении факторов и условий обоснования («фактов и положений дел, которые определяют статус обоснованности убеждения, или тот эпистемический статус, какой имеет пропозиция» [Goldman, 1999, 274] для субъекта познания) концептуально основательно, теоретически возможно и логически правомерно только при условии правильной комбинации принципов деонтологического подхода с так называемой «руководящей» концепцией обоснования, призванной на уровне определения условий обоснования и критериев обоснованности индуцировать комплекс правил, указывающих, чему субъект может с полным основанием верить в условиях различных познавательных ситуаций, т. е. обеспечить регулятивную основу для отбора пропозиций и оценки убеждений. Руководящая и деонтологическая концепции обоснования, как замечает Голдман, «содержательно взаимосвязаны, потому что деонтологическая концепция, по крайней мере тогда, когда она выступает в комбинации с руководящей концепцией, полагает эпистемическим долгом человека регулировать собственные доксистические установки на основе круга свидетельств или же факторов, которые каким-либо образом определяют статус обоснованности пропозиции в данное время» [Ibidem, 273]. Именно принципы «деонтологически-руководящей концепции обоснования» определяют эпистемологическое значение нормы, индуцирующей базовое интерналистское ограничение – требование, чтобы все детерминанты обоснованности были *доступны* или *известны* субъекту познания. Голдман формулирует принцип познавательной доступности факторов обоснования, который он рассматривает как закономерное следствие развития «деонтологически-руководящей концепции обоснования», следующим образом.

KJ: Единственными фактами, которые могут выступать в роли того, что составляет обоснование для убеждения агента в том, что p , в момент времени t , являются факты, о наличии ли отсутствии которых агент может легко узнать в момент t [Ibidem, 274]. Под «знанием» в этом контексте подразумевается *точное*, или *истинное*, представление.

В этой формулировке принципа познавательной доступности эвиденциально значимых факторов представлено парадигматически исходное нормативно значимое положение, которое образует основание базовой интерналистской парадигмы теории и методологии обоснования. Однако, каким бы ни было представление об условиях реализации требования познавательной доступности факторов обоснования, само по себе это требование не имплицитно подразумевает необходимость редуцировать весь спектр способов достижения знания о детерминантах обоснованности к формам *прямого* познавательного схватывания оснований для убеждений и фактов относительно их адекватной базируемости, что означало бы *эпистемологически неоправданную радикализацию основного интерналистского тезиса о необходимости распознавания факторов обоснования из собственной перспективы сознания субъекта*. Собственно, такая радикализация и отличает интернализм доступа в его сильной версии. Гине выстраивает свой аргумент таким образом, чтобы с эпистемико-деонтологических позиций оправдать приверженность именно сильной версии интернализма доступа: в аргументе утверждается, что каждый факт, вносящий вклад в набор, который минимально конституирует наличие пропозиционального обоснования, должен удовлетворять условию непосредственной распознаваемости. Радикальный аксессибилизм расходится с магистральной линией теоретической экспликации принципов интернализма доступа. Основное интерналистское ограничение в его радикализованном содержании, которое, как мы видим, артикулировано в посылках и заключении рассматриваемого аргумента, Голдман формулирует следующим образом.

KJ_{dir} : Единственными фактами, которые могут выступать в роли того, что составляет обоснование для убеждения агента в том, что p , в момент времени t , являются факты, о наличии или отсутствии которых в момент t агент может узнать *самым прямым образом* [Ibidem, 277].

Голдман вполне обоснованно подвергает сомнению как деонтологическую оправданность, так и эпистемологическую основательность радикализации принципа познавательной доступности условий и факторов эпистемического обоснования: «Первоначальная проблема, возникающая из-за KJ_{dir} , заключается в следующем: что оправдывает введение KJ_{dir} в отличие от более слабого ограничения KJ ? KJ было получено из GD -концепции⁷ на том основании, что нельзя разумно ожидать соблюдения эпистемологических обязанностей, если не знать, в чем состоят эти обязанности. Как такой аргумент оправдывает дальнейший вывод о том, что должно быть доступно *прямое* знание об обосновании? Даже косвенное знание (что бы это ни было) позволит агенту выполнять свои эпистемические обязанности. <...> Сторонники KJ_{dir} могли бы ответить, что прямые формы знания являются более сильными, чем косвенные знания, но этот ответ неубедителен. Требование достаточной силы⁸ уже было встроено в исходную версию KJ , и неясно, как прямота знания добавляет что-то значимое в этом отношении» [Ibidem]. Приверженность интернализму доступа в его сильной версии кажется избыточной с точки зрения определения тех когнитивно-операциональных условий, которые являются достаточными для выполнения объективных эпистемических обязательств.

Более того, принятие интерналиста-аксессибилизма в его сильной версии само по себе чревато негативными последствиями в плане демонстрации условий возможности достижения знания. Радикальный аксессибилизм, будучи позицией, изначально ограниченной в плане ресурсов, позволяющих решить проблему обоснования для целых классов убеждений, составляющих основу нашего знания, несмотря на то, что этиология их отнюдь не прозрачна (например, убеждений, предмет которых – нечто, отложившееся в памяти и сознании субъекта), создает почву для культивирования скептических установок в отношении возможностей знания [Ibidem, 278].

Почему, однако, Гине, развивая с деонтологических позиций теорию докстического обоснования, выдвигает и отстаивает положение о непосредственной доступности для распознавания факторов и условий пропозициональной обоснованности? Эпистемологическая значимость выдвинутого Гине тезиса о непосредственной распознаваемости факторов обоснования определяется концептуальными рамками деонтологического подхода, экспликация принципов которого рассматривалась Гине как важная составляющая аргументации в пользу интерналиста. Непосредственное познавательное отношение, в перспективе которого субъект должен установить, имеется ли обоснование для предполагаемых убеждений или нет, в пределе предполагает реализацию условий *привилегированного познавательного доступа* к факторам и условиям, конституирующим обоснованность в исходном пропозициональном смысле, а привилегированный доступ, согласно традиционным представлениям, выработанным в парадигмах классической эпистемологии, обеспечивает исключительную достоверность, т. е. гарантирует в пределе от ошибок [Галухин, 2022]. Если именно эту степень эпистемической гарантированности в отношении сознания оснований для убеждений имел в виду Гине, то это означает, что именно сильный интерналистский тезис

⁷ Руководяще-деонтологической концепции.

⁸ Оптимальной познавательной доступности.

получает интерпретацию в терминах деонтологической теории: *субъект не может совершить невинную ошибку в отношении оснований для своих убеждений, если эти основания удовлетворяют условиям привилегированной доступности*; безупречность позиции субъекта в этом плане можно поставить под вопрос, когда в отношении к основаниям своих убеждений он выходит за рамки той познавательной дисциплины, которая предусмотрена для обеспечения всестороннего привилегированного доступа к условиям и факторам, определяющим надлежащую степень обоснованности убеждений в исходном (пропозициональном) смысле. Получается, что субъект может выполнять объективное веление эпистемического долга (например, требование воздерживаться от культивирования убеждений при отсутствии оснований) только при условии *реализации специфической познавательной перспективы*, предельным выражением которой является достижение *привилегированного доступа*, непосредственной распознаваемости, «прямого узнавания» (есть и другие эквиваленты «знания по знакомству») оснований для убеждений. Но именно этот тезис *оспаривается критиками аргумента Гине*.

Абсолютная безупречность на этапе распознавания оснований, когда за счет реализации привилегированного доступа достигается исключение возможности ошибки, безусловно, является деонтически значимым и эпистемически ценным состоянием, но достижение такого состояния не составляет единственного условия, реализация которого с необходимостью предпосылается выполнению объективного долга. Согласно той эпистемической логике, которая заложена в посылках и скрытых допущениях аргументов Гине, если *возможность ошибки* относительно пропозициональной обоснованности не исключена, то неверно, что *всегда*, когда это необходимо, т. е. в отношении всякого полагания, субъект может установить, имеются ли основания, конституирующие пропозициональную обоснованность, или нет, и, следовательно, неверно, что S действительно обладает способностью, указанной в п. 3. Но даже в случае, когда единственный способ распознавания того, имеется ли основание для убеждения или нет, *не предполагает прямого рефлексивно-познавательного схватывания*, но является *опосредствованным* и, следовательно, *не исключает возможность ошибки*, вменение субъекту обязательств, исходя из эпистемических норм, все же имеет определенный смысл, ибо ошибка в этих условиях может быть не только следствием объективных когнитивных ограничений (и тогда вменение обязательств и установление ответственности не оправданы), но и следствием нарушения правил метода, принципов рациональности и познавательной дисциплины в целом, т. е. следствием уклонения от долга, требующего выполнения специфических норм, которые субъект действительно мог выполнить и которые предусмотрены для того, чтобы регулировать поведение субъекта в сфере познания таким образом, чтобы достигать оптимального результата, какой только возможен в условиях когнитивных и ситуативных ограничений. Именно это обстоятельство, как нам представляется, не учитывается в аргументе Гине.

Гине подкрепляет основное положение о распознаваемости факторов обоснования (детерминантов пропозициональной обоснованности) из внутренней перспективы субъекта рассуждением, построенным по принципу *редукции*. Положение это было бы недействительным, считает Гине, если бы какой-либо факт, определяющий набор факторов, минимально конституирующих наличие такого обоснования, не был бы либо непосредственно распознаваемым для S, либо *вытекающим из чего-то, что относится к области непосредственно распознаваемого S* (так что его отсутствие должно было бы создавать непосредственно распознаваемое различие).

¹*reductio*. Предположим, что какая-то часть (эвиденциальных факторов – конституентов)

обоснования *не вытекает из того, что непосредственно распознается S*.

2^{reductio}. Тогда позиция S (относительно статуса обоснованности убеждений) может измениться в том смысле, что один статус, когда такое обоснование имеется, сменяется на противоположный, когда оно отсутствует, *без каких-либо изменений в том, что непосредственно признается S*.

3^{reductio}. Но тогда S не может распознать, что его позиция, представляющая такой аспект познавательной ситуации, как наличие или отсутствие обоснования, изменилась.

4^{reductio}. Следовательно, если S всегда может постигать, какова его ситуация в плане наличия обоснования, *ни одна часть того, что составляет обоснование, не может не быть непосредственно распознаваемой*.

Для Олстона было очевидно, что это рассуждение строится на ряде посылок, значение которых обосновывается в рамках базовой эпистемологической теории, принципы которой могут быть оспорены. Так, положение 3^{reductio} имеет смысл как спецификация ключевого принципа *классического фундаментализма интерналистского типа*, общий смысл которого выражается утверждением базируемости всякого знания (включая знание о внешнем мире) на том, что является непосредственно распознаваемым (знакомым, привилегированно доступным) для субъекта. По определению Р. Нета, «классический интерналистский фундаментализм стремится основать все наши знания об окружающем мире на нашем непосредственном знании тех данных⁹, которые наличествуют в нашем сознании, и различных априорных истин, познаваемых только посредством размышлений» [Neta, 2011, 7]. Приверженность этому типу фундаментализма Гине верифицирует посредством перечисления следующих примеров того, что является распознаваемым из внутренней перспективы субъекта: «Не тот факт, что над лесом поднимается дым, оправдывает S в уверенности в том, что в лесу есть огонь, а скорее такие факты, как то, что S *уверен в том, что он видит* дым, у S *нет причин не доверять* своим глазам в этом случае и в это конкретное время, и S *кажется, что он помнит*, что он узнал, что практически всегда, когда есть дым такого вида, какой он видит в данный момент, есть и огонь» [Ginet, 1975, 33].

Развивая критический анализ этой части основного аргумента, Олстон указывает на то, что в качестве посылки 2^{reductio} этого рассуждения используется неоправданно сильное редукционистское допущение, что *то, что является познаваемым опосредованным образом*, находит вполне определенное отражение в том, что *является непосредственно распознаваемым*, только если первое является *логически закономерным следствием* второго. Но именно в объеме эпистемологических импликаций этого допущения выделяются диспозиционные основания для дискредитации фундаменталистской теории, принципы которой предполагались в аргументе Гине. Учитывая комплекс естественных когнитивных и ситуативных ограничений, вполне разумно полагать, считает Олстон, что значительная часть того, что относится к миру, не получает настолько адекватного отражения в том, что является для субъекта непосредственно распознаваемым, чтобы знание о мире логически однозначным образом вытекало из знания то, что для субъекта является объектом прямого узнавания и распознавания: «Но предположить, что мир за пределами моего непосредственного узнавания никогда не раскрывается в том, что я могу непосредственно узнать, было бы ниспровержением самого типа фундаментализма, который предполагает этот аргумент» [Alston, 2001, 97].

⁹ Например, данных чувственного опыта.

Действительно, в этом случае условие базируемости всякого выводного знания на более фундаментальном знании о том, что является непосредственно распознаваемым, получало бы интерпретацию в системе принципов логической дедукции, а иные способы обоснования для положений, составляющих основу знания о мире, исключались бы ввиду несоответствия их стандартам выводимости и условиям достоверности. Такая позиция, которую Гине явно не поддерживал, привела бы к неоправданному замыканию предметной сферы знания на весь объем дедуцируемых следствий того, что удовлетворяет условиям «прямого» (невыводного) знания, а в пределе способствовала бы усилению позиций скептицизма. В свое время Айер, один из классиков неопозитивизма, разъясняя позитивные эффекты изучения скептической аргументации (и косвенно – условия обоснования перцептуальных суждений), заметил, что «отношение суждений, описывающих содержание наших чувственных переживаний, к суждениям, подразумевающим существование материальных вещей, не является отношением предпосылок к заключению в дедуктивном умозаключении. Наша процедура в такого рода случаях всегда индуктивная, и она остается индуктивной, сколько бы разумных свидетельств мы ни накопили» [Ayer, 1940, 45-46].

Но если исходить из альтернативной – более реалистичной и эпистемологически адекватной – позиции и допустить, что изменение «мира» все же каким-то образом отражается в изменениях того, что является непосредственно познаваемым, при том, что первое не обязательно должно быть связано со вторым на условиях дедуктивно постижимого следования, «то почему же следует предполагать, что это не так в отношении обоснования?» [Alston, 2001, 97]. Олстон указывает на ограниченность класса положений, которые можно обосновать исходя из эпистемологических допущений и принципов, фигурирующих в посылах аргумента Гине: «Все, что Гине может извлечь из своего сильного фундаменталистского допущения, своей деонтологической концепции обоснования и принципа “должен, значит может”, – это то, что всегда возможно определить из того, что непосредственно распознается субъектом, имеет ли определенное убеждение субъекта обоснование. Но это не означает, что то, что обеспечивает обоснование, само по себе непосредственно познаваемо или вытекает из того, что непосредственно познаваемо. Это лишь подразумевает, что оно либо имеет этот статус, либо может быть установлено на основании того, что непосредственно распознается» [Ibidem, 97-98]. Основная интенция аргумента Гине заключалась в том, чтобы показать, что принципы деонтологического похода с необходимостью имплицитно принимают принципиального ограничения в отношении факторов обоснования а именно – положения, что факторы обоснования (детерминанты пропозициональной обоснованности) должны удовлетворять (x^{dr}) условию прямой распознаваемости со стороны субъекта или (y^{edr}) условию выводимости из того, что является когнитивно доступным первичным (непосредственным) образом. Но в этом расширительном толковании, включающем представление условия (y^{edr}) в качестве дополнительного ограничения для факторов обоснования, аргумент Гине является еще более уязвимым для критики: в силу естественных когнитивных ограничений субъект может просто быть не в состоянии выделить и охватить весь спектр следствий, того, что доступно непосредственному знанию. Понятно, что формирование базы оснований посредством выделения *всех* следствий того, что является непосредственно доступным и прямым образом знаемым, необходимо только в том случае, если этот спектр следствий делает основания достаточными. Но это обстоятельство не отменяет в целом негативный вывод для аргумента

Гине, поскольку «дизъюнктивное заключение¹⁰ оставляет открытой возможность для оправдателей, которые не могут быть полностью идентифицированы из того, что может быть непосредственно распознано» [Ibidem, 94].

Деонтологический подход к обоснованию на уровне операционально-регулятивных импликаций не исключает, что в сами условия выполнения эпистемического долга входит деятельность по изысканию и формированию эвиденциальной основы признания того или иного положения, которое может составлять предмет убеждений субъекта, если формирование убеждений является частью той активности, которая подчиняется принципам эпистемической целесообразности и познавательной дисциплины, т. е. ориентирована в пределе на достижение знания. Но выполнение интеллектуальных обязательств, вытекающих из норм, которым подчиняется эта деятельность, не предполагает с необходимостью, что факторы обоснования должны изначально удовлетворять условию непосредственной познавательной доступности.

Критика аргумента К. Гине: линия М. Бергмана

Бергман, со своей стороны, опрокидывает аргумент Гине посредством демонстрации того, что посылка 4 этого аргумента является ошибочной. Посылка 4 стала объектом критического анализа в ее уточненной и развернутой формулировке, учитывающей, с одной стороны, определенный смысл, в каком субъект *может* исполнять должное, а именно – воздерживаться от полагания (убеждения) при отсутствии достаточных оснований, а с другой – необходимость трактовать наличие объективных достаточных оснований как фактор обоснованности в пропозициональном смысле.

4. *S может^{F1}* воздерживаться от полагания, т. е. признания какого-либо положения, которое могло бы составлять предмет убеждения, во всех случаях, когда для этого отсутствует *пропозициональное обоснование*, только если в отношении всякого полагания (предполагаемого убеждения) *S может^{F1}* распознать, имеется ли *пропозициональное обоснование* или нет.

Итак, основная норма эпистемически целесообразного и ответственного поведения субъекта познания заключается в том, чтобы (DeonP) воздерживаться от полагания (поддержания или усвоения убеждения) во всех случаях, когда для этого полагания (признания того, что могло бы составлять предмет убеждения) отсутствует *пропозициональное обоснование*. Предполагается, что ответственность субъекта возникает тогда, когда это требование является предметом сознательного отношения и исполнение его находится в границах различных и доступных для субъекта возможностей.

Но, как замечает Бергман, утверждение DeonP, выражающее норму эпистемически ответственного поведения, может быть интерпретировано исходя из различия двух модальностей.

DeonP1: воздерживаться от полагания, т. е. от того, чтобы признавать (верить в) какое-либо положение, *если* для этого полагания отсутствует пропозициональное обоснование.

DeonP2: воздерживаться от полагания, т. е. от того, чтобы признавать (верить в) какое-либо положение, *если и только если* для этого полагания отсутствует пропозициональное обоснование [Bergmann, 2006, 86].

В посылке 4 аргумента Гине речь идет о том, что субъект *S может^{F1}* совершать действия,

¹⁰ Дизъюнкция условий x^{dr} и y^{edr} .

которые соответствуют норме. Посылка 1, в которой дается экспликация нормы через определение того, что субъект *должен*^{cl-at} делать, однозначно указывает на то, что DeonP1 (но не DeonP2), представляет курс ответственного познавательного поведения, который подразумевается в посылке 4 аргумента Гине: то, что *S должен*^{cl-at} делать, – это следовать политике воздержания от полагания, что *p*, *если* (но не «*если и только если*») для *p* отсутствует достаточное пропозициональное обоснование. Согласно посылке 2, то, что *S должен*^{cl-at} делать, составляет предмет того, что *S может*^{F1} делать. Следовательно, посылка 4 говорит, что субъект *может*^{F1} следовать курсу DeonP1, т. е. воздерживаться от полагания – не признавать определенного положения, *если* для этого положения отсутствует достаточное пропозициональное обоснование, только *если* в отношении всякого полагания (предполагаемого убеждения) субъект *может*^{F1} распознать, имеются ли объективные основания, при наличии которых оно является в пропозициональном смысле обоснованным, или нет.

Но посылка 4 в такой формулировке, которая возводит в принцип нормального поведения следование курсу DeonP1, является *ложной*. Чтобы выявить для этой посылки класс фальсификаторов, достаточно представить выраженное в ней положение как частный случай общего принципа, задающего условия возможности действия, и показать, что применение этого принципа имеет противоречивые следствия. Общий принцип, частным случаем которого служит посылка 4, формулируется следующим образом: *GP S может*^{F1} *следовать правилу, согласно которому следует воздерживаться от совершения A в отношении X, если X не есть F, только если S относительно любого X может*^{F1} *распознать, является ли он F или нет*. Противоречивые последствия, которые может иметь применения данного принципа, Бергман демонстрирует на примере использования этого принципа для определения условия следования правилу, предназначенному для регулирования поведения в специфической ситуации. Например *C^{sp}: S-охотник может*^{F1} *следовать правилу R, требующему воздерживаться от того, чтобы стрелять в живое существо, которое движется в зарослях, если это живое существо – человек, только если относительно всякого живого существа, которое движется в зарослях, S в состоянии распознать, является ли оно человеком или нет*. Но *C^{sp}* ложно. Дело в том, что охотники могут придерживаться правила (R) воздержания от стрельбы по движущемуся в кустах живому существу, если это человек, даже в тех случаях, когда они не могут распознать, что это за живое существо, потому что они могут взять за правило не стрелять во что-то движущееся в зарослях, пока не будут уверены, что это не человек. Следование данному правилу позволяет им следовать и первому правилу R, обозначенному в *C^{sp}*. Таким образом, неверно, что *C^{sp}*, следовательно, и GP ложно [Ibidem, 87].

Аналогичная формула рассуждений применяется для фальсификации принципа, выраженного в посылке 4 аргумента Гине. Допустим, что в классе положений (пропозиций), подлежащих эпистемической оценке, имеются такие положения, относительно которых субъект *S может*^{F1} достоверно установить, что они имеют *пропозициональное обоснование* и, следовательно, достойны признания (в качестве вероятно истинных), а также такие, для признания которых нет объективных достаточных оснований, что также *может*^{F1} быть установлено субъектом; но если в классе положений (пропозиций), которые выступают «претендентами» на то, чтобы составить предмет убеждений субъекта, имеются такие, относительно которых субъект *не может*^{F1} *распознать, являются ли они обоснованными в пропозициональном смысле или нет*, то из этого вовсе не следует, что субъект в таком случае не *может*^{F1} применять общую стратегию эпистемически ответственного поведения, которая

состоит в том, чтобы воздерживаться от признания какого-либо положения, если последнему недостает пропозициональной обоснованности, ибо в качестве условия применения этой стратегии субъект может взять за правило не признавать какого-либо положения, пока он не убедится (не достигнет рационально оправданной уверенности), что для этого положения имеется пропозициональное обоснование. Таким образом Бергман доказывает, что в послылке 4 аргумента Гине содержится неправильное определение условий возможности следования правилу, выражающему норму деонтически правильного поведения в условиях познавательных ситуаций. Посылка 4 неверна, а это, в свою очередь, дает еще одно основание (наряду с теми, которые раскрыл Олстон), чтобы считать аргумент Гине «от деонтологизма к интернализму» неудачным.

Аргумент Гине можно реабилитировать, если принять альтернативную интерпретацию посылки 4 и, соответственно, переформулировать правило познавательно ответственного поведения таким образом, чтобы основная стратегия была построена следующим образом.

DeonP2: воздерживаться от полагания, т. е. от того, чтобы признавать (верить в) какое-либо положение, *если и только если* для этого полагания отсутствует пропозициональное обоснование.

Тогда определение того, что *может*^{F1} субъект в плане выполнения условий, выраженных в послылке 4, не будет иметь проблематичные последствия, как в случае с выполнением DeonP1, и сама посылка будет формулироваться так: субъект *может*^{F1} следовать правилу DeonP2, только если относительно всякой пропозиции, рассматриваемой как предмет возможного признания, разрешаемого в убеждение (как шаг к знанию!), он может установить, имеется ли пропозициональное обоснование или нет. Такая формулировка является корректной, ибо, как поясняет Бергман [Ibidem, 87-88], действие на основе принципа DeonP2 предполагает более сильную диспозицию: субъект должен как *воздерживаться* от признания какого-либо положения (пропозиции), которое не имеет достаточного пропозиционального обоснования, так и *признавать* во все положения, для которых такое обоснование имеется, обращая их в предмет убеждений, т. е. *должен* верить при наличии объективных и достаточных оснований. Но использовать посылку 4 в такой интерпретации, которая однозначно предполагает DeonP2, не выходя за рамки соответствия того, что *может*^{F1}, тому, что *должен*, значит соглашаться с соответствующей интерпретацией посылки 1, которая выражает формулу вменяемых субъекту объективных обязательств.

1^{DeonP2}: S должен воздерживаться от полагания (признания, веры, убеждения), что p, *если и только если* нет объективных и достаточных оснований, составляющих для p пропозициональное обоснование.

Заметим, однако, что такая интерпретация посылки 1 не является корректной с точки зрения общей теории интеллектуальных обязательств, в которой *устанавливается принципиальное различие* в плане распределения прав и обязанностей субъекта, когда речь идет о должном сознательном отношении к пропозициональным установкам, таким как уверенность, признание, убеждение. Олстон справедливо заметил: «Наличие обоснования дает мне *право* верить, но я не обязан воспользоваться этим правом; у меня есть выбор – делать это или нет» [Alston, 2001, 109]. Асимметричное распределение интеллектуальных обязательств обусловлено необходимостью соблюдения принципа релевантности в поддержании дисциплины доксистических установок: когда вопрос стоит о том, чтобы признавать, верить, усваивать определенные убеждения, то релевантными являются именно *разрешения*, а не запрещения; когда же дело доходит до *воздержания* от того, чтобы признавать, верить и культивировать

убеждения, то в этом случае есть также *обязательства*, а не просто разрешения. И Гине предусмотрительно согласился с этим принципом, когда относительно обязательств субъекта познания утверждал, что, «по крайней мере, он должен всегда воздерживаться от того, чтобы питать уверенность, если у него нет оснований» [Ginet, 1975, 36]; однако это не означает, что при наличии оснований субъект обязан усвоить себе убеждение.

Более основательный критический анализ показывает, что определение вменяемых субъекту интеллектуальных обязательств на основе принципа, выражаемого нормативным кондиционалом 1^{DeonP2} , следует признать неверным с точки зрения исходных положений эпистемологической теории, которые включают принятое за основу истолкование *принципа долженствования* (O^{c1-a}), и допущений относительно возможных деонтологических квалификаций позиции субъекта в проблемных познавательных ситуациях. Основная линия аргументации, посредством которой демонстрируется, что принцип 1^{DeonP2} является теоретически неадекватным и, следовательно, должен быть отброшен, выстраивается следующим образом.

Существуют различные познавательные ситуации, такие, что (l) в одних случаях субъект может распознать, что для суждений, раскрывающих предметное содержание возможных полаганий, имеется достаточное пропозициональное обоснование, а (m) в других случаях субъект может распознать, что такое обоснование отсутствует (понятно, что в этих случаях следует воздерживаться от признания или культивирования убеждений); но есть и (n) такие случаи, когда предметом рассмотрения являются пропозиции, относительно которых субъект не может установить, имеются ли объективные и достаточные основания для признания их (в качестве истинных) или нет. В плане деонтологической квалификаций позиции субъекта в проблемных ситуациях такого типа, когда в отношении ряда пропозиций субъект не может прийти к определенному убеждению, поскольку не может распознать, имеется ли релевантное обоснование или нет, существует вполне определенная альтернатива: либо (NCulpr.) позиция субъекта является эпистемически безупречной, т. е. неведение субъекта относительно того, имеется ли пропозициональное обоснование или нет, само по себе не является следствием невыполнения каких-либо обязательств, либо (Culpr.) наоборот [Bergmann, 2006, 89].

[A] Допустим, рассматривая ряд пропозиций, (n) субъект не может установить с достаточной определенностью, имеется ли пропозициональное обоснование или нет, и (NCulpr.) позиция субъекта является при этом вполне эпистемически безупречной.

[B] Принцип, выраженный в правиле 1^{DeonP2} , предполагает, что субъект *должен*^{c1-at} придерживается одновременно двух линий поведения, принятых за норму: с одной стороны, субъект должен (DeonP1) *воздерживаться* от полагания (и, соответственно, от культивирования убеждения), если для этого полагания отсутствует пропозициональное обоснование; с другой стороны, если такое обоснование имеется, то субъект должен (DeonP3) *верить*, т. е. культивировать некоторое убеждение на основе признания пропозиции в качестве истинной (как будто при наличии достаточных оснований для субъекта возникает *обязанность* усвоения или сохранения убеждения). Итак, принцип, 1^{DeonP2} предполагает, что субъект *должен*^{c1-at} следовать и стратегии DeonP1, и стратегии DeonP3.

[C] Согласно принятой интерпретации принципа *долженствования* O^{c1-a} , субъект S *должен*^{c1-at} сделать A, если и только если это *обязательство* сделать A таково, что S всегда может распознать, какие именно из его действий (аспектов поведения) будут составлять выполнение этого обязательства.

[D] Но если ([B]) субъект *должен*^{c1-at} следовать и стратегии DeonP1, и стратегии DeonP3,

как предполагает принцип 1^{DeonP2} , то при ([C]) указанной выше интерпретации принципа должностования (O^{c1-a}) субъект не может быть в состоянии невинного неведения относительно того, насколько он последователен в плане реализации стратегии DeonP1 и стратегии DeonP3, т. е. позиция эпистемической безупречности NCulp при таких условиях исключается как невозможная.

[E] Однако это противоречит вполне реалистическому допущению [A], согласно которому имеются пропозиции, относительно которых субъект не может установить, имеются ли для признания их (в качестве истинных) достаточные основания или нет, и при этом (NCulp.) позиция субъекта является эпистемически безупречной.

Следовательно, правило 1^{DeonP2} формулируется на основе возведения в принцип комплексного положения об обязательствах субъекта, но положение это является ложным.

Посредством представленного выше рассуждения доказывается, что альтернативная интерпретация посылки 4 аргумента Гине, основанная на принятии DeonP2, приводит к противоречивым последствиям и, следовательно, является неверной. Таким образом, аргумент Гине «от деонтологизма к интернализму» нельзя реабилитировать посредством альтернативной интерпретации одной из его посылок, выражающей условие возможности следования правилу, представляющему спецификацию интеллектуальных обязательств субъекта познания.

Заключение

Аргумент Гине – это один из серии аргументов, разработанных для демонстрации эпистемологической основательности одного из парадигматических преставлений, восходящего (как показали исследования того же А. Плантинги) к классическим теориям познания и поддержанного рядом современных эпистемологов, а именно – представления о том, что деонтологическая концептуализация эпистемического обоснования с необходимостью имплицитно приверженность нормативным положениям интернализма.

1. Гине выстраивает свой аргумент на ряде посылок, организованных в конструкцию умозаключения, ключевым звеном которого является формальный принцип *Debes, ergo potes* («Должен, значит можешь»), выступающий для деонтологических подходов в статусе своеобразной универсалии.

Использование этого принципа в теории познания для определения дисциплины формирования и поддержания убеждений, исходя из эпистемически значимых целей, имплицитно приверженность позициям *доксастического волюнтаризма*, но допущение прямого эффективного контроля субъекта над сферой собственных убеждений является сомнительным и вполне обоснованно оспаривается рядом эпистемологов. Даже если стипулировать оправданность таких допущений, не принимая в расчет критику оснований деонтологического подхода, анализ показывает, что утверждение принципов интернализма, как их понимает Гине, исходя из принципов деонтологической теории обоснования, в целом ряде аспектов является проблематичным.

Посылки аргумента Гине предполагают строгую интерпретацию принципа *Debes, ergo potes*, из которой следует, что на уровне формального определения тех обязательств, которые можно было бы правомерно адресовать субъекту, должна быть заложена референция к способности субъекта *понимать* комплекс условий, выполнение которых является необходимым и объективно достаточным для реализации того, в чем состоит его долг (именно как субъекта познания). Однако владение релевантными понятиями, на которое ссылается Гине

как на фактическое условие того, что субъект *может*, представляет собой лишь необходимый конституент, но не конклюдивный верификатор компетенции субъекта, при наличии которой ему можно было бы оправданно вменить круг релевантных обязательств. Переход от абстрактного определения того, в чем объективно состоит эпистемический долг, к конкретному установлению субъективных обязательств, исходя из того, что субъект *может*, имеет формальное-деонтологическое обоснование, но такое обоснование не дает достаточно *конкретные содержательные критерии* для установления того, насколько эпистемически безупречной является позиция субъекта в той или иной познавательной ситуации.

2. Аргумент Гине является неправильным в той части, в которой определяется предмет и формулируются условия выполнимости эпистемических обязательств. Из комбинации ряда посылок этого аргумента (посылок 4 и 1 в реконструкции Олстона) следует неверное определение условий возможности следования правилу, выражающему норму деонтически правильного поведения в условиях познавательных ситуаций. В частности, негативными для аргумента являются выводы, полученные по результатам тестирования состоятельности его посылок на основе альтернативных интерпретаций принципа той политики, которой субъект *должен* придерживаться в отношении собственных доксамических установок.

При одной интерпретации, когда основное обязательство выражается требованием воздерживаться от культивирования уверенности, разрешаемой в убеждение, *если* для этого отсутствуют адекватные основания, следует признать, что в ряде специфически проблемных познавательных ситуаций субъект не может придерживаться общей стратегии эпистемически ответственного поведения, но такое заключение совершенно неоправданно, а в пределе – фальсифицируемо.

Другая интерпретация, согласно которой в качестве нормы принимается положение, что субъект должен воздерживаться от культивирования уверенности, *если и только если* в отношении предмета этой уверенности отсутствуют объективные и достаточные основания, является, *во-первых*, концептуально несостоятельной (наличие оснований дает *право*, но не конституирует *обязанность*), а *во-вторых*, неверной с точки зрения принципов эпистемической деонтологии, которые определяют условия правомерности вменения обязательств субъекту познания и допускают возможность достижения эпистемически безупречной позиции в ситуациях, когда наличие пропозиционального обоснования неочевидно.

3. Аргумент Гине раскрывает основания для утверждения принципов интернализма доступа, допускающих интеграцию с фундаментализмом, посредством согласования общих принципов деонтологического подхода с рядом *неоправданно сильных эпистемологических допущений*, имплицитующих радикальную интерпретацию основного интерналистского тезиса, подкрепляемую строгим истолкованием принципа *Debes, ergo potes*: аргумент приводит к утверждению аксессибилизма в его сильной версии, но деонтологическая основательность и эпистемическая целесообразность принятия этой позиции в отношении условий обоснования расходятся.

Во-первых, представление о том, что субъект может выполнить эпистемический долг, только при условии реализации прямого (привилегированного) доступа, гарантирующего от ошибки в отношении оснований для убеждений, не является оправданным с точки зрения собственных принципов деонтологии. Корреляция аксессибилизма в его сильной версии с деонтологически определенными условиями обоснования прослеживается лишь по линии установления ответственности субъекта в границах строгого истолкования принципа *Debes, ergo potes*. Но это не означает, что реализация требования доступности условий и факторов

обоснования в том его умеренном значении, которое имплицитно подразумевает признание роли опосредованного знания оснований для убеждений, не соответствует условиям или является препятствием для выполнения эпистемических обязательств.

Во-вторых, радикализация принципов интернализма доступа, предполагаемая аргументом, требует дополнительного эпистемологического обоснования: «прямое узнавание» – это только один из способов приобретения знания или обоснованного убеждения относительно оснований для убеждений и фактов обоснованности, а дискредитация значимости других способов и видов экспертизы статуса доксистических установок не оправдана. С точки зрения нормативной эпистемологии радикальное интерналистское ограничение не представляет универсально значимое условие достижения знания о том, насколько разумно с эпистемической точки зрения было бы придерживаться тех или иных убеждений или культивировать уверенность в истинности тех или иных пропозиций.

В-третьих, нельзя признать удачной попытку Гине избежать редукционистских следствий сильной интерпретации принципов аксессибилизма посредством расширительного толкования основного ограничения в отношении факторов обоснования: допускается, что распознавание факторов обоснования может осуществляться прямым образом или на основе следствий, выводимых из того, что распознается прямым образом. С одной стороны, если в допущении такого рода предполагается дедуктивно основательный вывод, то получается сочетание фундаментализма с априоризмом, неприемлемое для эпистемологии Гине. С другой стороны, принятие такого допущения индуцирует неоправданно сильную норму, применение которой наталкивается на фактор когнитивных ограничений, поскольку для субъекта остается открытой возможность непостижимости следствий, того, что доступно непосредственному знанию.

Принимая во внимания комплекс проблем, на которые наталкивается или которые порождает рассуждение, известное как аргумент Гине, следует признать, что представленная в этом рассуждении демонстрация того, что разработка понятия обоснования с деонтологических позиций дает эпистемологически релевантные и достаточные основания для утверждения принципов интернализма в его радикальной версии, не является в строгом смысле адекватной. Однако нельзя отрицать значение аргументов такого рода для стимулирования эпистемологической рефлексии, как и необходимость критического анализа попыток установления концептуальной связи позиции эпистемического деонтологизма с позициями интернализма в теории обоснования, ибо такие исследования способствуют более основательному пониманию теоретического содержания эпистемологических программ, в которых эти позиции были заявлены, эксплицированы и даже получили парадигматический статус.

Библиография

1. Галухин А.В. Эпистемологический анализ модусов достоверности в условиях привилегированного доступа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 1А. С. 5-23.
2. Alston W.P. Internalism and externalism in epistemology // Kornblith H. (ed.) Epistemology: internalism and externalism. Blackwell Publishing, 2001. P. 68-110.
3. Ayer A.J. The foundations of empirical knowledge. New York: Macmillan, 1940. 276 p.
4. Bach K. A rationale for reliabilism // Monist. 1985. Vol. 68. No. 2. P. 246-263.
5. Bergmann M. Justification without awareness: a defense of epistemic externalism. Oxford: Clarendon Press, 2006. 272 p.
6. Ginet C. Knowledge, perception, and memory. Dordrecht, 1975. 212 p.
7. Goldman A.I. Internalism exposed // Journal of philosophy. 1999. Vol. 96. No. 6. P. 271-293.
8. Neta R. Reflections on reflective knowledge // Philosophical studies. 2011. Vol. 153. No. 1. P. 3-17.
9. Plantinga A. Warrant: the current debate. New York: Oxford University Press, 1993. 228 p.

10. Silva P., Oliveira L.R.G. Propositional and doxastic justification: new essays on their nature and significance. New York: Routledge, 2022. 330 p.
11. Steup M. A defense of internalism // Bernecker S. (ed.) Reading epistemology. Oxford, 2006. P. 60-75.
12. Steup M. The deontic conception of epistemic justification // Philosophical studies. 1988. Vol. 53. P. 65-84.

From deontology to internalism in a theory of epistemic justification: a critique of C. Ginet's argument

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36 Stremyanny In, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The article reveals the epistemological value of the argument of Carl Ginet, which is one of the typical arguments demonstrating the inference from "deontology to internalism". This argument proves the general fact that the principles of deontological conceptualization of epistemic justification necessarily imply commitment to the normative framework of internalism, which imposes the requirement of cognitive accessibility of all those conditions and facts that constitute the adequate grounds for the cultivation of confidence which might be resolved into an epistemically justified belief. The key link in the system of the premises of Ginet's argument is the formal principle of *Debes, ergo potes*, a strict interpretation of which suggests doxastic voluntarism, but this voluntaristic assumption is called into question by some epistemologists. The disposition to the acceptance of access internalism in its strong version, introduced as an inevitable consequence of sustaining the deontological view of justification, can be qualified as epistemologically adequate and justified only on the basis of a rather strict interpretation of the *Debes, ergo potes* principle. The commitment to the strong accessibilism corresponds only to the contingent content of some internalist theories that radicalized the idea of privileged access as a condition for obtaining an extremely high epistemic warrant for beliefs. Ginet's attempt to avoid the reductionist consequences of a strong interpretation of the principle of accessibility by means of a broad interpretation of the main internalist restrictions, allowing for the constituents of propositional justification to be identified with the range of facts entailed by what is directly recognizable to an agent, cannot be considered successful.

For citation

Galukhin A.V. (2022) Ot deontologizma k internalizmu v teorii epistemicheskogo obosnovaniya: kritika argumenta K. Gine [From deontology to internalism in a theory of epistemic justification: a critique of C. Ginet's argument]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (4A), pp. 21-43. DOI: 10.34670/AR.2022.65.38.005

Keywords

Knowledge, justification, deontological theory of epistemic justification, internalism, accessibilism, cognitive access, epistemic norms, doxastic attitudes, intellectual obligations, epistemic duty.

References

1. Alston W.P. (2001) Internalism and externalism in epistemology. In: Kornblith H. (ed.) *Epistemology: internalism and externalism*. Blackwell Publishing, pp. 68-110.
2. Ayer A.J. (1940) *The foundations of empirical knowledge*. New York: Macmillan.
3. Bach K. (1985) A rationale for reliabilism. *Monist*, 68 (2), pp. 246-263.
4. Bergmann M. (2006) *Justification without awareness: a defense of epistemic externalism*. Oxford: Clarendon Press.
5. Galukhin A.V. (2022) Epistemologicheskii analiz modusov dostovernosti v usloviyakh privilegirovannogo dostupa [Epistemological analysis of the modes of certainty under the conditions of privileged access]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (1A), pp. 5-23.
6. Gettier E. (1963) *Knowledge, perception, and memory*. Dordrecht.
7. Goldman A.I. (1999) Internalism exposed. *Journal of philosophy*, 96 (6), pp. 271-293.
8. Neta R. (2011) Reflections on reflective knowledge. *Philosophical studies*, 153 (1), pp. 3-17.
9. Plantinga A. (1993) *Warrant: the current debate*. New York: Oxford University Press.
10. Silva P., Oliveira L.R.G. (2022) *Propositional and doxastic justification: new essays on their nature and significance*. New York: Routledge.
11. Steup M. (2006) A defense of internalism. In: Bernecker S. (ed.) *Reading epistemology*. Oxford, pp. 60-75.
12. Steup M. (1988) The deontic conception of epistemic justification. *Philosophical studies*, 53, pp. 65-84.